

ГИЛЯКИ.

Краткій этнографическій очеркъ.

Гиляки живутъ по нижнему теченію Амура, начиная съ деревни Ухты, около Богородскаго селенія, и кончая лиманомъ рѣки. Гиляки имѣютъ видъ, мало располагающій въ ихъ пользу. Средній ростъ, крѣпкое тѣлосложеніе, грубыя, рѣзкія черты лица, выдающіяся скулы, маленькіе плутоватые глаза, черная, густая борода и такіе же волосы, обыкновенно заплетенные въ одну косу, производятъ при первомъ знакомствѣ непріятное впечатлѣніе и внушаютъ недоувѣріе и страхъ. Народъ этотъ, по мнѣнію ученых ¹, принадлежитъ къ выходцамъ съ Курильскихъ острововъ, что отчасти подтверждается и ихъ былинами и сказками, дѣйствующія лица которыхъ представляются живущими въ близкомъ соприкосновеніи съ японцами.

Одежда гиляковъ свидѣтельствуетъ о крайней ихъ бѣдности. Она состоитъ изъ длинной рубашки, сшитой изъ грубаго, непробѣленного холста, или изъ ситца, которая называется лархъ, такихъ же кальсонъ—панъ, а у нѣкоторыхъ и изъ нанковыхъ или казинетовыхъ брюкъ, уаръ, и изъ грубаго полукафтана или халата—хуфтъ, который стягивается кожаными поясомъ—выбысь. Голову гиляка отъ лѣтвяго зноя защищаетъ берестяная шляпа, имѣющая коническую форму—хагъ, а отъ зимняго холода—мѣховая шапка. Обувь въ лѣтнее время составляютъ родъ полусапогъ изъ нерничьей кожи—кій, которые зимою замѣняются обувью въ родѣ нашихъ сапогъ—мынхъ. Кроме этого необходимую принадлежность костюма взрослого гиляка составляютъ также кисеть съ табакомъ—хонхъ и трубка—тай, которые большею частію прикрѣпляются къ верхней пуговицѣ кафтана. Что касается одежды женщины, то

¹ Маакъ, Путешествіе на Амуръ.

она почти ничѣмъ не отличается отъ мужской, и гилячку можно узнать только по серьгамъ, которыя висятъ въ ушахъ иногда длинными кольцами.

Гиляки ведутъ осѣдлую жизнь и селятся преимущественно по берегамъ Амура и его притоковъ. Селенія ихъ большею частію небольшія, состоящія изъ нѣсколькихъ юртъ, и только въ немногихъ число юртъ доходитъ до 20. Въ послѣднихъ селеніяхъ число жителей простирается до 200 душъ. Такова напр. деревня Маго, выше Николаевска, по берегу Амура. Самыя юрты гиляковъ мало чѣмъ отличаются отъ маньчжурскихъ и китайскихъ фанзъ. Какъ тѣ, такъ и другія устроиваются на одинъ манеръ, и незатѣливая постройка ихъ не требуетъ искусства архитектора. Обыкновенно ставятъ въ землю по пяти или по шести столбами въ два ряда и вверху скрѣпляютъ ихъ балками. Между этими столбами, на близкомъ разстояніи одна отъ другой, ставятся жердинки, поперекъ которыхъ привязываются пучки какихъ нибудь прутьевъ. Образуется стѣна съ квадратными отверстиями, которыя и замазываются глиной, смѣшанной съ мелко-изрубленной соломой, чтобы предохранить стѣну отъ дождей. На стѣны кладутся балки и на нихъ ставятся стропила, къ которымъ на близкомъ разстояніи одна отъ другой прикрѣпляются довольно толстыя жерди, опирающіяся другими концами на балки. Самыя жерди, составляющія, такъ сказать, остовъ крыши, покрываются плетенкой изъ тальниковыхъ прутьевъ, поверхъ которой набрасывается солома и земля. Эта крыша служитъ вмѣстѣ и потолкомъ. Внутренняя отдѣлка юрты, какъ и внѣшняя, не сложна. Дверь, ведущая въ юрту, дѣлается изъ тонкихъ досокъ съ рѣшеткой наверху, которая заклеивается бумагой пропитанной масломъ. Окна, состоящія изъ четырехъ-угольныхъ рѣшетокъ, покрываются той же самой бумагой, которая замѣняетъ стекла. Больше труда представляетъ устройство печи. Для этого первоначально выкапывается ровъ, всегда у дверей юрты, выкапывается кирпичами на 1½ аршина выше земли или пола и вверху этого устроеннаго очага вставляется чугунная чаша. На противоположной сторонѣ такимъ же образомъ устраивается другая печь съ такой же наверху чашей. Отъ обѣихъ печей вокругъ стѣнъ идутъ небольшія канавы, которыя соединяются въ одномъ углу юрты, гдѣ устраивается деревянная труба. Когда топятъ печь, дымъ, вдоволь нагулявшись по канавамъ, устремляется къ трубѣ и выходитъ изъ нея. Надъ канавами устраиваются нары, которыя складываются изъ кирпичей или камня.

Мебели въ юртахъ, кроме маленькихъ столиковъ, помѣщающихся на парахъ, никакой не полагается. Нѣтъ и другихъ украшеній, какъ у китайцевъ, какъ напр. картинъ, зеркалъ и другихъ предметовъ роскоши. Вообще въ юртахъ грязно и пусто. Въ каждой юртѣ помѣщаются дѣти, три и четыре семьи,—только рѣдкій богачъ имѣетъ отдѣльную юрту для своего семейства.

Гиляки до крайности неопытны, неряшливы и нечистоплотны. Войдите въ любую юрту, и васъ прежде всего поразитъ одурающій запахъ

гниющей рыбы и скажется присутствіе собакъ, которыя большею частію живутъ вмѣстѣ съ людьми. При томъ же и земляной полъ, принимая въ себя много воды, которую лютъ безъ всякой церемоніи, а зимой и тающій снѣгъ, приносимый на обуви, производятъ въ юртѣ постоянную сырость. Вслѣдствіе этого стѣны покрываются плѣсенью. И сами гиляки вѣчно грязны, особенно дѣти, которыя въ лѣтнее время ходятъ по преимуществу въ той сорочкѣ, въ какой мать родила ихъ. Тѣло ихъ не знаетъ, что такое вода и мыло, и развѣ руки и лицо изрѣдка омываются ими водою. Отъ грязи и отъ пыли, и особенно отъ близкаго сосѣдства съ собаками, у нихъ разводятся массы паразитовъ. Русскіе, знакомые съ гиляками, не подпускаютъ ихъ къ себѣ на близкое разстояніе, боясь прыгающихъ отъ одного къ другому паразитовъ. Но сами гиляки въ отношеніи къ нимъ очень небрезгливы.

Жизнь гиляковъ однообразна: одинъ день похожъ на другой, какъ двѣ капли воды. Обыкновенно день располагается слѣдующимъ образомъ: встаетъ гилякъ рано, если есть какая нибудь слѣшная, нужная работа, и вмѣстѣ съ этимъ поднимаетъ на ноги всю свою семью. Если же нѣтъ слѣшной работы, то онъ прохладается на своихъ далеко не мягкихъ нарахъ, какъ говорятъ, до блага свѣта. Первое дѣло, за которое онъ берется, поднявшись съ наръ, — куреніе табаку, замѣняющее для бѣдняка и утренній чай. Если стоитъ время ловли звѣрей или рыбы, то гилякъ утро посвящаетъ на ловлю ихъ, находясь нѣсколько часовъ на берегу Амура или въ лѣсахъ. Въ прочее же время утро проходитъ въ домашнихъ работахъ. Около 10-ти часовъ, а иногда и ранѣе, женщины готовятъ обѣдъ для семьи, предварительно накормивъ собакъ варевомъ изъ „ююлы“, готовить которое также лежитъ на обязанности женщины. Обѣдъ состоитъ главнымъ образомъ изъ ююлы и «буды» и изрѣдка разнообразится свѣжей рыбой и ягодами. Послѣ этого далеко не сытнаго и не питательнаго обѣда гилякъ снова принимается за работу, смотря по времени года. Отдыхъ отъ труда онъ дѣлаетъ развѣ въ томъ случаѣ, если есть чай, который и пьетъ во всякое время, и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, или когда куритъ табакъ. Вечеромъ, въ лѣтнее время въ 8—9 часовъ, а зимой въ 6—7, готовится ужинъ, который состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ блюдъ, какъ и обѣдъ; и послѣ него идутъ домашнія работы. Эти работы иногда продолжаются за полночь, особенно въ зимнее время. При этомъ вся семья или даже всѣ живущіе въ юртѣ садятся вокругъ одного огня и каждый занимается своимъ дѣломъ. Для развлечения, на сцену всегда выступаетъ одинъ изъ стариковъ и рассказываетъ былины—тѣлгу, и сказки—гизиччъ, сюжетъ которыхъ составляютъ похождения героевъ и рассказы о демопахъ. Рѣчь рассказчика всегда бываетъ медленна, протяжна и монотонна, такъ что слушатели постоянно, при каждой его паузѣ, произносятъ: «птъ», понукая его.

Женщины подобно мужчинамъ, также заняты бываютъ съ утра до ночи. На нихъ лежатъ обязанности: смотрѣть за всѣмъ въ юртѣ, готовить пищу для семьи и кормъ для собакъ, шить бѣлье и одежду, починивать старыя вещи, готовить пряжу для стѣй и во время лова рыбы чистить рыбу и готовить ююлу. Не смотря на то, что обязанности эти довольно трудны и требуютъ много времени, гилячки выполняютъ ихъ съ свойственнымъ имъ терпѣніемъ и безпрекословно несутъ свою горькую долю. Замѣчательно, что при такой трудовой жизни, онѣ отличаются особенною вѣрностью своимъ мужьямъ и живутъ съ ними въ полномъ согласіи и мирѣ. Вѣроятно, важную роль въ этомъ играетъ многоженство и тотъ произволъ гиляковъ, по которому они всегда могутъ бросать своихъ женъ и распоряжаться ими какъ вещью, которую можно и продать.

Занятія гиляковъ направлены къ обезпеченію своего существованія. Суровая, негостепримная природа, среди которой они живутъ, и собственные природныя наклонности заставили ихъ заниматься только рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Рыба для гиляка — насущный хлѣбъ и единственная пища какъ для него самого, такъ и для его собакъ; безъ рыбы гилякъ умираетъ съ голоду, а вмѣстѣ съ нимъ пропадаютъ и его собаки. Поэтому ловля рыбы главное и постоянное занятіе гиляка во всякое время года. Но преимущественный ловъ рыбы, который обезпечиваетъ его пищу на круглый годъ, бываетъ лѣтомъ. Въ это время года два раза: въ первой половинѣ іюля и во второй августа рыба появляется въ Амурѣ и его притокахъ въ такомъ множествѣ, что покрываетъ дно маленькихъ рѣчекъ. Гилякъ ожидаетъ этого наплыва рыбы съ нетерпѣніемъ, высчитываетъ ночи и привѣтствуетъ его катаньемъ на лодкахъ. Появилась рыба—и начинается оживленная и кипучая работа. Съ утра до ночи, безъ усталости и отдыха, гилякъ ловитъ стѣями рыбу, а жены его готовятъ ее: сушатъ и вялятъ на солнцѣ. Для удобства при этомъ устроиваются на берегу изъ ивовыхъ прутьевъ подставки, на которыхъ и вывѣшивается распластованная по кости на двѣ части рыба. Въ воздухѣ въ это время кругомъ носятся миазмы отъ гніенія рыбы и брошенныхъ внутренностей, которыхъ бываетъ такъ много, что ихъ не успѣваютъ подбирать и голодные собаки — постоянные спутники гиляка. Въ теченіе мѣсяца рыбы вылавливается такое количество, что достаетъ ея на круглый годъ для всей семьи гиляка и для его собакъ. Этотъ годовой запасъ, доходящій иногда до 8,000 половинокъ рыбъ, сохраняется въ амбарахъ, устроенныхъ на сваяхъ, чтобы предохранить его отъ лакомыхъ хищниковъ — собакъ и крысъ. При этомъ обыкновенно бываетъ такъ, что, если въ августѣ большой наплывъ рыбы въ Амурѣ, июльская рыба, какъ худшая по качеству, употребляется для собакъ¹. Но если въ августѣ ходъ рыбы бываетъ неудачный, то гилякъ

¹ Въ іюлѣ появляется въ Амурѣ по преимуществу горбуша—тенгичо, а въ августѣ кѣта—лухичо.

дорожить и июльской рыбой, и собакамъ въ этомъ случаѣ приходится довольствоваться костями, которыя просушиваются подобно рыбѣ.

Кромѣ рыболовства гиляки занимаются ловлею морскихъ животныхъ, которыя весною и лѣтомъ появляются въ водахъ Амура. Главныя породы звѣрей, которыхъ они ловятъ: дельфины, сивучи и тюлени. Ловятъ ихъ обыкновенно острогами, дубинами, гарпунами и даже стрѣляютъ изъ лука. Интереснѣе другихъ ловля дельфиновъ. Съ наступленіемъ весны, когда Амуръ вскроется ото льда, появляются стада дельфиновъ, которые въ тихую погоду постоянно поднимаются надъ водою — по мѣстному выраженію — играютъ. Это бываетъ преимущественно въ глубокихъ и быстрыхъ мѣстахъ, гдѣ Амуръ окруженъ высокими скалами и утесами, прямо опускающимися въ воду, какъ напр. около мѣстечка Тыра. Гиляки отправляются на лодкахъ подъ парусами къ этимъ мѣстамъ и плаваютъ взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока замѣтятъ поднимающагося надъ водою дельфина. Тихо подкрадываются къ нему, и опытная рука мечетъ въ него гарпунъ. Животное, почувявъ рану и врага, мчится внизъ по рѣкѣ — по теченію, пока не обезсилѣетъ отъ потери крови. Между тѣмъ гиляки, по пузырямъ, которые привязаны къ гарпуну и которые мѣшаютъ животному опускаться въ глубину, узнаютъ мѣсто его присутствія и преслѣдуютъ, нанося мѣткіе удары острогами. Когда, наконецъ, израненное животное всплываетъ мертвымъ на поверхность воды, гиляки съ крикомъ и гамомъ подхватываютъ и тащатъ его за лодкой къ берегу. На берегъ высыпаетъ вся деревня и всѣ угощаются лакомымъ кускомъ мяса и пьютъ теплый жиръ. Въ былое время участвовали при этомъ и шаманы, пока имъ вѣрили гиляки и пока они пользовались уваженіемъ послѣднихъ. Прежде чѣмъ они совершаютъ религиозную церемонію, состоящую во втыканіи пучка крапивы въ брызгательныя отверстія, никто изъ гиляковъ не имѣлъ права прикасаться къ убитому животному. Черепъ животного, очищенный отъ мяса, обыкновенно, послѣ шаманскихъ церемоній, вывѣшивался на высокомъ деревѣ, что и по сіе время еще не вышло изъ употребленія. Кожа какъ дельфина, такъ и другихъ морскихъ животныхъ, употребляется гиляками на одежду, обувь и на другія потребности въ домашнемъ быту: на обшивку лыжъ, приготовленіе сумокъ, ремней и проч.

Другое занятіе гиляковъ, какъ мы замѣчали, звѣроловство. Ловъ звѣрей бываетъ преимущественно зимою и осенью, когда выпадаетъ первый снѣгъ. Промыселъ этотъ совершается въ лѣсахъ около деревень, но бываетъ и отхожимъ, когда гиляки отправляются на своихъ нартахъ, запряженныхъ собаками, то на Сахалинъ, то на рѣку Амгунь. Обыкновенно ловятся звѣри: соболи, лисица, выдра, хорекъ, бѣлка и медвѣдь; но больше всего бѣлка, которая водится въ лѣсахъ въ болѣебольшомъ количествѣ, чѣмъ всѣ другіе звѣри. Хорошій охотникъ, при счастливой и удачной охотѣ, въ теченіе зимы убиваетъ до 50 соболей, отъ 10 до 15 лисицъ, столько же выдръ и много бѣлокъ и хорьковъ. Самый цѣнный

звѣрь, конечно, соболь и за нимъ-то по преимуществу гиляки отправляются на Амгунь, какъ потому, что здѣсь соболей водится больше, чѣмъ по Амуру, такъ и потому, что амгунскіе соболи самые черные и считаются у гиляковъ лучшими.

Гиляки обнаруживаютъ слишкомъ мало религіозности, и вообще о своей вѣрѣ и своихъ богахъ говорятъ мало и неохотно. Молодые изъ гиляковъ обыкновенно отзываются незнаніемъ, чему и въ дѣйствительности можно повѣрить, когда познакомишься съ ними; а старые молчать изъ осторожности и боязни услышать отъ русскаго что нибудь оскорбительное для ихъ религіи. Кромѣ того, религіозныя вѣрованія гиляковъ искажаются отъ передачи одного другому, вслѣдствіе чего рассказы ихъ объ одномъ и томъ же божествѣ имѣютъ различныя редакціи и въ разныхъ мѣстахъ варьируются и носятъ свою окраску. Поэтому о религіи гиляковъ мы сообщимъ только немногія свѣдѣнія, но такіа, впрочемъ, которыя болѣе или менѣе одинаково передаются гиляками.

Религію гиляковъ нельзя въ строгомъ смыслѣ назвать ни золатріей, ни шаманствомъ; въ ней соединяются оба эти элемента или оба вида обнаруженія религіозныхъ вѣрованій. По крайней мѣрѣ, почитаніе гиляками животныхъ, которыя представляются носителями божественной силы, вмѣстительствомъ скрытыхъ могучихъ силъ, и существованіе шамановъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ они также видятъ проявленіе сверхъестественной силы, даютъ право такъ думать. Носителей божественныхъ силъ, органовъ, посредствомъ которыхъ божество проявляетъ себя въ дѣятельности, много. Это, по вѣрованію гиляковъ, духи, но не безплотные, а матеріализованные, способные принимать различный видъ: это—демоны. Смотри по тому, какъ эти духи относятся къ гилякамъ—дѣлаютъ ли имъ добро, или зло, смотря по характеру ихъ дѣятельности,—называются они добрыми или злыми. Но рядомъ съ представленіемъ объ этихъ духахъ или божествахъ добрыхъ и злыхъ у гиляковъ сохранилось представленіе о Богѣ, который неизмѣримо выше всѣхъ этихъ божествъ. Его гиляки называютъ именемъ Ыжыхъ. По вѣрованію однихъ Ыжыхъ—такое высшее существо, котораго они не могутъ и видѣть и ничего не слышали о немъ, кромѣ того, что это — доброе существо. По мнѣнію другихъ, оно имѣетъ видъ обыкновеннаго человѣка и живетъ на небѣ, но отъ людей отличается всѣми совершенствами. Насколько высоко гилякъ думаетъ объ этомъ существѣ, можно судить потому, что ему страннымъ представляется, когда онъ слышитъ христіанское ученіе о Богоматери и, отмахиваясь руками, говоритъ: «о! у нашего Ыжыха бабушки нѣтъ», т. е. нѣтъ матери или жены. Ыжыхъ есть творецъ земли и гиляковъ; онъ есть и промыслитель. «Гилякъ все получаетъ отъ Ыжыха, обыкновенно говоритъ гилякъ: если Ыжыхъ не дастъ, то гиляку никто ничего не дастъ». О твореніи же міра Ыжыхомъ гиляки рассказываютъ слѣдующее. Сначала была одна только вода: кромѣ этой стихіи не было ничего. Но разъ, по повелѣнію Ыжыха, выпалъ смолистый, на подобіе

сѣрнаго, дождь, изъ смолистаго вещества котораго, какъ изъ главнаго элемента, и образовалась земля. Первымъ твореніемъ на землѣ былъ человекъ. Его сотворилъ Ыжыхъ изъ дерева первоначально одного, а потомъ создалъ ему и жену изъ того же самаго матеріала. Первый человекъ назывался Куръ, и отъ него и его жены произошли всѣ гиляки. Куръ жилъ на землѣ такъ, что кромѣ хорошаго ничего никому не дѣлалъ, слѣд. жилъ добродѣтельно и, когда происшедшій отъ него народъ размножился, удалился на небо. Другихъ свѣдѣній о твореніи міра и человека, кромѣ этихъ, гиляки не имѣютъ.

Другое доброе существо, но уже низшее Ыжыха, есть Тайгочъ, богъ рѣки, или, по гиляцкому выраженію, хозяинъ рѣки (Амура). Тайгочъ имѣетъ видъ престарѣлаго, сѣдаго гиляка, окруженнаго цѣлымъ родомъ подобныхъ ему существъ, которые произошли отъ него и его жены. О немъ у гиляковъ существуетъ слѣдующая легенда, рисующая отношенія его къ послѣднимъ. Разъ гиляки отправились на лодкѣ далеко отъ своей деревни. Стало темно и они сбились съ пути: не знали, куда имъ плыть? Вдругъ предсталъ предъ ними Тайгочъ и сталъ приглашать ихъ осмотрѣть его городъ. Согласились. Предъ глазами ихъ на берегу рѣки показался богатый и роскошный городокъ: весь онъ состоялъ изъ небольшихъ красивыхъ юртъ, устроенныхъ изъ китоваго уса, и среди ихъ вышала одна юрта, точно дворецъ. Въ маленькихъ юртахъ жили маленькіе Тайгочи, а въ большой—главный Тайгочъ—хозяинъ или богъ Амура. Когда гиляки вошли въ юрту, Тайгочъ подвелъ ихъ къ нарамъ и велѣлъ посмотрѣть въ канаву, надъ которою устроены были нары. Глазамъ ихъ представилось восхитительное зрѣлище: тутъ струилась вода и въ водѣ плавали рыбы разныхъ породъ и различнаго вида. Гиляки ахнули отъ удивленія. Между тѣмъ Тайгочъ взялъ одну горбушу, очистилъ рукою чешую и бросилъ послѣднюю въ рѣку: изъ нея тотчасъ образовалась рыба—горбуша, и поплыла по рѣкѣ. Тоже самое онъ дѣлалъ съ кѣтой (тоже рыба)—и опять явилась масса рыбы, которая скрылась въ водахъ Амура. Указавши—откуда берется рыба въ Амурѣ, Тайгочъ прибавилъ при этомъ, что всѣ гиляки «мальчики»—дѣти его и что онъ имъ даетъ рыбу. Въ связи съ этой легендой у гиляковъ стоитъ объясненіе наплыва или хода рыбы въ Амуръ. Если наплывъ рыбы бываетъ громадный, то гиляки говорятъ, что Тайгочъ много бросаетъ чешуи въ рѣку; если же на оборотъ, наплывъ бываетъ незначительный, то мало.

Третье существо, занимающее, впрочемъ, средину между добрыми и злыми, есть Ключъ, который живетъ въ лѣсу. Онъ къ добрымъ людямъ добръ и дѣлаетъ только добро, а къ злымъ—золь и дѣлаетъ лишь одно зло.

Злыхъ духовъ, по вѣрованію гиляковъ, много: они населяютъ лѣса и воды. Главные изъ нихъ слѣдующіе: 1) Чоромлачъ, самый злой изъ всѣхъ злыхъ духовъ, имѣетъ видъ кошки разнаго цвѣта, но преимущественно

чернаго, и живетъ въ лѣсу. Онъ играетъ роль нашего лѣшаго: водить гиляковъ въ лѣсу. Старики-гиляки рассказываютъ и вѣрятъ, что Чоромлачей много и что старшій между ними, если поймаетъ въ лѣсу человека, созываетъ остальныхъ крикомъ для дѣлежа добычи. 2) Огнь живетъ также въ лѣсу и имѣетъ видъ человека, но ходитъ всегда безъ всякой одежды—нагой. Вся дѣятельность его состоитъ въ томъ, что постоянно бѣгаетъ по лѣсу, кричитъ „аа“ и при встрѣчѣ съ гиляками хватается ихъ за genitalia. Вслѣдствіе этого гиляки, входя въ лѣсъ, всегда предпринимаютъ предосторожности: плотно схватываютъ свою одежду ниже груди и особенно крѣпко завязываютъ свои штаны. Кромѣ того Огнь иногда уводитъ человека и въ свою юрту и предлагаетъ ему ѣсть ту смолу, которою питается самъ. Если человекъ согласится поѣсть этой смолы, то навсегда остается у Огня; въ противномъ случаѣ Огнь доставляетъ его на томъ мѣсто, гдѣ взялъ. 3) Кальджемъ, живущій тоже въ лѣсу, имѣетъ видъ человека огромныхъ размѣровъ—человека исполина. По поясу онъ обвѣшанъ огромныхъ размѣровъ—человека исполина. По поясу онъ обвѣшанъ кожаными сумочками, наполненными частію когтями разныхъ звѣрей, частію ногтями человѣческими. Гиляки его боятся, потому что при встрѣчѣ съ ними онъ вступаетъ въ борьбу, желая показать свою силу и превосходство. Во время борьбы гилякъ уже непременно обрываетъ одну изъ сумочекъ, которыми Кальджемъ увѣшанъ по поясу и, становясь въ первое время послѣ этого почти сумасшедшимъ, теряетъ сознание отъ страха. Если въ оборванной сумочкѣ окажутся когти медвѣдей, лисицъ, соболей и другихъ животныхъ, то гиляку предстоитъ счастье: въ теченіе всего года онъ будетъ имѣть самый удачный промыселъ. Напротивъ, если въ сумочкѣ окажутся ногти гиляка, то всей деревнѣ угрожаетъ несчастіе: бываетъ особенная смертность. По другому разсказу сумочка съ ногтями человѣческими имѣетъ такую чародѣйственную силу, что каждый, кто посмотритъ на нее, тотчасъ умираетъ. 4) Тахъ—это духъ, который не принимаетъ никакой формы; онъ невидимъ, и гиляки не знаютъ—гдѣ онъ живетъ. Его присутствие среди гиляковъ узнается только тогда, когда между ними появляются болѣзни и смертность. Если Тахъ приходитъ въ юрту, говорятъ гиляки, то умираютъ одинъ, два и три человека, а иногда вымираетъ и цѣлая семья. Поэтому, во время всякой болѣзни, а особенно серьезной, по ихъ убѣжденію живетъ въ юртѣ Тахъ, и они слѣдуютъ при зывать шамановъ, которые произносятъ заклинанія и совершаютъ чародѣйственныя церемоніи, чтобы выжить изъ юрты духа—истребителя человечества. Точно также и кошмаръ, по мнѣнію гиляковъ, происходитъ отъ Таха: онъ его виновникъ. Вслѣдствіе этого, если ночью съ кѣмъ нибудь въ юртѣ случится кошмаръ, всѣ поднимаются на ноги, начинаютъ бѣгать и махать руками, крича при этомъ: кэ! кэ! Суетня продолжается минутъ пятнадцать, и только послѣ этого всѣ нѣсколько успокоиваются отъ страха, вздуваютъ огонь и обязательно курятъ табакъ. 5) Пыль-мыль—духъ, который живетъ въ землѣ и выходитъ изъ нея съ пламе-

немъ. Появленію его всегда предшествуетъ больша, черная, курчавая собака, которая своимъ лаемъ спасаетъ гиляка отъ бѣды. Лишь только гилякъ слышитъ лай ея, сейчасъ же старается спастись бѣгствомъ или принимаетъ предосторожность. На томъ мѣстѣ, гдѣ появилась собака, онъ проводитъ палкой 9 маленькихъ бороздокъ и наливаетъ въ нихъ воды. Появляется Пыльмыль и съ словами: „собака меня обманула: это не человекъ былъ, а дождь шелъ; я послѣ ее побью за это“, скрывается въ землю. Если же гилякъ не приметъ этой предосторожности и не успеетъ спастись бѣгствомъ, то Пыльмыль вырываетъ у него языкъ.

б) Толгинсь, или по русско-гиляцкому выраженію, Амурь-чортъ, живетъ въ рѣкахъ. Роль его таже самая, что нашего водяного: онъ опрокидываетъ гиляцкія оморочки и лодки. Имѣетъ видъ нерпы, только громадныхъ размѣровъ и черной.

Культъ гиляковъ не только не отличается богатствомъ и разнообразіемъ, но, можно сказать, находится въ зачаточномъ состояніи. Враждебно относящихся къ нимъ духовъ они не чувствуютъ и не стараются ихъ умилостивить ни поклонами, ни жертвами. Только доброе, высшее существо—Ыжыхъ—и пользуется ихъ почитаніемъ, и культъ, можно сказать, существуетъ только въ честь его: ему одному гиляки поклоняются и ему одному приносятъ жертвы. Но и это обнаруженіе религіозныхъ чувствъ—весьма рѣдкое явленіе. Колѣнопреклоненія совершаются гиляками утромъ и главнымъ образомъ старшими въ семьѣ. Жертвоприношенія совершаются также рѣдко. Главное жертвоприношеніе состоитъ въ вспрыскиваньи или помазаніи верхушки деревъ кровью свиньи, убитой рукою шамана или старшаго въ родѣ. Оно всегда совершается за деревней и бываетъ рѣдкимъ вслѣдствіе дороговизны жертвеннаго животного, доступнаго только для немногихъ—богачей. Другой родъ жертвы—вывѣшиванье головы и шкуры медвѣдя на деревьяхъ, а также вспрыскиванье верхушекъ ихъ кровью этого животного. Эта жертва приносится цѣлою деревнею въ медвѣжій праздникъ и бываетъ болѣе частою. Но самая частая и употребительная жертва, это—голова морскихъ животныхъ и особенно рыбы, которая также вывѣшивается на деревьяхъ. Эти жертвы приносятся во всякое время, когда гиляки ловятъ рыбу, и доступны всемъ изъ нихъ. Вслѣдствіе этого жертвы подобнаго рода можно часто видѣть въ лѣсахъ, вблизи деревень. Если полюбопытствуете спросить у гиляка, зачѣмъ на деревѣ рыбы головы, онъ отвѣтитъ: это—жертвы, и скажетъ при этомъ, что гилякъ приноситъ въ жертву Ыжаху лучшую, самую вкусную часть рыбы.

У гиляковъ мало праздниковъ, которые праздновались бы сообща цѣлою деревней или всеми гиляками. Есть ханшинъ или русская водка—вотъ и праздникъ: гилякъ самъ угостится этимъ живительнымъ напиткомъ, угоститъ своихъ женъ и дѣтей, заведетъ съ ними бесѣду, спокуютъ вмѣстѣ пѣсно, въ которой прославятъ и ханшинъ, и юрту, и собакъ, и все вообще, что бросится въ глаза, и отпьяшутъ свой національный

танецъ—чего лучше? Но какъ не грубъ и необразованъ гилякъ, но и у него является потребность отвести душу въ веселой компаніи не одной родной семьи, но и въ кругу знакомыхъ. Вслѣдствіе этого и у него есть праздники, хотя ихъ, какъ мы замѣтили, и слишкомъ мало. Самый распространенный и, такъ сказать, популярный праздникъ между гиляками—медвѣжій праздникъ.

Праздникъ этотъ носитъ такое названіе оттого, что все торжество его сосредоточивается по преимуществу на играхъ съ медвѣдемъ и на убіеніи его. Медвѣдя для праздника гиляки приобретаютъ иногда за 3—5 лѣтъ и во все это время откармливаютъ его рыбой, чтобы онъ былъ рослымъ и большимъ. Медвѣдь, наконецъ, готовъ, и живетъ уже не въ юртѣ съ гиляками, но въ берлогѣ вблизи юрты. Кончились у гиляковъ и всѣ работы: запасъ рыбы сдѣланъ такой, что можно прожить зиму, не рискуя голодовать. Начинаютъ подумывать о праздникѣ: вся деревня занята, и дѣятельно идутъ приготовленія. Каждый старается достать ханшину, буды, запастись ягодами и прочими доступными для гиляка лакомствами. Наконецъ все готово къ празднику: деревня ликуетъ и приглашаетъ на праздникъ всѣхъ жителей сосѣднихъ деревень, которые давно уже съ нетерпѣніемъ ожидали этого заманчиваго приглашенія, въ надеждѣ полакомиться на чужой счетъ. Сѣхались и собрались сосѣди; гиляцкія юрты сдѣлались душнѣе: въ каждую юрту, въ которой живетъ не менѣе 15 человекъ, прибавилось еще столько же, если не больше. Открывается праздникъ. Всѣ гиляки, собравшіеся въ деревнѣ, отправляются къ берлогѣ, въ которой лежитъ виновникъ торжества, приготовляется изъ каната петля съ двумя концами и кладется на отверстіе берлоги, тогда какъ за концы ея ухватываются нѣсколько человекъ. Въ это время отдѣляются изъ толпы смѣльчаки и начинаютъ поддразнивать медвѣдя, просовывая палку въ берлогу и толкая его въ бока и голову. Выведенный изъ терпѣнія медвѣдь бросается на нихъ и попадаетъ въ разставленную для него петлю, которую тотчасъ же затягиваютъ приравленные къ ея концамъ, расходясь въ противоположныя стороны. Вся толпа при этомъ съ крикомъ отъ удовольствія бросается на медвѣдя и окружаетъ его такъ, что онъ не въ состояніи бываетъ не только поднятъ на кого нибудь свою тяжеловѣсную лапу, но и двинуться съ мѣста. Въ это время надѣваютъ на шею желѣзныи покрытый першичьей кожей ошейникъ, къ бокамъ котораго приделаны кольца съ веревками, при общемъ ликованіи отводятъ въ приготовленную юрту и здѣсь привязываютъ его между двумя столбами, чтобы не могъ пользоваться свободой. Начинаются игры съ медвѣдемъ. Игры эти состоятъ въ томъ, что молодые гиляки приближаются къ животному, дразнятъ его, поколачивая палками, и ловко увертываются, когда оно бросается на нихъ. Бываютъ случаи, что смѣльчаки попадаютъ въ лапы разъяреннаго медвѣдя, но тогда ихъ изъ бѣды выручаютъ присутствующіе, которые со смѣхомъ

цѣлой массой бросаются на побѣдителя и силой принуждаютъ его сдѣлаться побѣжденнымъ. При этомъ, чтобы избѣжать знакомства съ когтями его, они стараются животное сбить съ ногъ и кладутъ на шею его шесть, на концы котораго садятся. Впрочемъ, не смотря на это, нерѣдко можно видѣть у гиляковъ шрамы на головѣ и лицѣ и ободранныя до костей руки: это—слѣды медвѣжьихъ праздниковъ и игры съ виновникомъ торжества. Кромѣ этихъ игръ устраивается катанье на собакахъ. Обыкновенно по расчищенному катку на льду первоначально пускаютъ одну собаку, къ хвосту которой привязываютъ кусокъ медвѣжины, а за ней пускаютъ и собакъ запряженныхъ въ нарты. Собаки бѣгутъ съ особенной быстротою и гиляки при бѣстромъ бѣгѣ ихъ стараются попасть въ нарты. Для этого они большею частью забѣгаютъ впередъ и бросаются на собакъ и только въ этомъ случаѣ попадаютъ на нарты и то съ большимъ трудомъ. Попавшій на нарты вызываетъ крики одобренія и похвалы отъ зрителей за свою ловкость, а упавшій на ледъ вмѣсто нарты встрѣчаетъ со стороны ихъ смѣхъ и насмѣшки, получая иногда при этомъ ушибы и увѣчья.

Между тѣмъ какъ молодежь проводитъ время въ этихъ играхъ, старики и пожилые пируютъ въ юртахъ. Юрты приобщены отъ грязи и имѣютъ праздничный колоритъ. На маленькихъ столикахъ, помѣщающихся на нарахъ, выставлены фарфоровыя чашки, въ обыкновенное время находящіяся подъ спудомъ, симметрично расположены кувшины съ ханшиномъ и бутылка съ русской водкой и разложена закуска изъ ююлы въ разныхъ видахъ. Сами гиляки въ праздничныхъ костюмахъ, богатые въ лисьихъ шубахъ и шелковыхъ китайскихъ халатахъ, веселой гурьбой путешествуютъ изъ одной юрты въ другую. Гилячки въ шелковой одеждѣ голубого цвѣта¹, а нѣкоторыя и въ китайской парчѣ, съ самыми причудливыми серьгами, опускающимися кольцами съ ушей до плечъ, не отстаютъ отъ своихъ мужей. Вездѣ веселье и радость, шумъ и пьянство; трезвости и печали нѣтъ мѣста кругомъ. Веселье продолжается съ утра до ночи и апогея своего достигаетъ вечеромъ, когда окажетъ на гиляковъ свое всесильное дѣйствіе ханшинъ. Тутъ все безъ различія пола и возраста веселятся вмѣстѣ и устраиваютъ пляску, подъ свой музыкальный инструментъ, который называется канка. Такъ проходитъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ и виновникъ торжества питается самыми лакомыми кусками, приносимыми со всей деревни и гостями и хозяевами. Наконецъ праздникъ приходитъ къ концу. Всей деревней избирается удобное мѣсто между двумя деревьями, преимущественно березовыми, къ которымъ можно было бы прикрѣпить веревки отъ колецъ ошейника медвѣдя, подобно тому, какъ къ столбамъ въ юртѣ. Мѣсто это, равно какъ и дороги къ нему, украшаются пуч-

¹ Эта матерія самая дешевая изъ шелковыхъ китайскихъ матерій.

ками тонкихъ стружекъ, укрѣпляющихся на тонкомъ стержнѣ, отъ котораго онѣ совершенно не отрѣзаны. Потомъ все присутствующіе на праздникѣ собираются къ юртѣ, гдѣ находится медвѣдь, выводятъ его изъ нея и, въ сопровожденіи всей праздничной толпы, отводятъ на избранное мѣсто. Здѣсь, привязавъ животное между двумя деревьями, начинаютъ пускать въ него стрѣлы изъ луковъ. Первый пускаетъ стрѣлу самый опытный, избранный стрѣлокъ, стрѣла котораго часто выходитъ на вылетъ, а за нимъ все, кто имѣетъ лукъ, сыплютъ стрѣлы градомъ. Женщины между тѣмъ въ это время, равно какъ и во время печальной процессіи къ мѣсту казни, бьютъ палочками въ сухое, очищенное отъ коры листовое дерево, которое на веревкахъ, прикрѣпленныхъ къ обоямъ концамъ, подвѣшено къ деревьямъ. Это своего рода музыка, играющая похоронный маршъ. Но вотъ медвѣдь сраженный стрѣлами, представляя изъ себя какую-то кровяную массу, падаетъ. Сейчас же начинается операція сниманія шкуры и дѣлежъ мяса. Голова и шкура обыкновенно вывѣшиваются на высокое дерево—это жертва Бѣжуху, а мясо дробится на части и по числу членовъ семействъ и гостей раздается старшимъ въ родѣ. Во всехъ юртахъ въ этотъ день бываетъ самый торжественный, такъ сказать, парадный обѣдъ, за которымъ въ каждое кушанье кладутся мелкіе кусочки медвѣжьего мяса, не только какъ приправа, но какъ святыня, какъ часть жертвы. День заканчивается генеральнымъ пьянствомъ, послѣ котораго все гости отправляются домой, приглашая хозяевъ къ себѣ на праздникъ, если онѣ имѣетъ быть въ скоромъ времени. Праздникъ этотъ справляется гиляками въ зимнее время, начиная съ послѣднихъ чиселъ октября и кончая январемъ, и продолжается иногда по 10—15 дней.

Другой праздникъ, но уже не имѣющій религіознаго значенія и притомъ болѣе семейнаго, чѣмъ общественнаго характера, составляютъ свадьбы гиляковъ. Между гиляками распространена полигамія, и чѣмъ богаче гилыкъ, тѣмъ больше у него женъ, такъ что число послѣднихъ иногда доходитъ до 6—7. При этомъ часто бываетъ такъ, что старики кромѣ старухъ женъ имѣютъ еще женами и 12—13 лѣтнихъ дѣвушекъ. Но бѣдняки большею частью имѣютъ одну только жену. Обыкновенно свадьба гиляковъ устраивается слѣдующимъ образомъ: женихъ, избравши себѣ невѣсту, приходитъ въ юрту къ будущему тестю и приноситъ съ собою ханшину. Идетъ угощеніе и первоначально бесѣда вращается около самыхъ обыденныхъ предметовъ; но потомъ, когда подопьютъ, женихъ высказываетъ цѣль своего визита, начинается торгъ и назначается калымъ. Калымъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: кольчуги, составленной изъ желѣзныхъ пластинокъ, съ такою же шапкою—петъ, копыя—кахъ, круглаго, бѣлаго, прозрачнаго камня съ отверстіемъ въ срединѣ, отъ которой иногда, какъ отъ центра, въ видѣ радіусовъ идутъ встав-

ленные въ камень серебряныя пластинки — оршь¹, лука изъ китоваго уса, отдѣланнаго иногда серебромъ—пунъчъ, изъ огромнаго японскаго чугуннаго котла, въ родѣ чана,—вынь, шубы мерлушковой—бальба, а иногда и лисей — кекокъ, куска китайской парчи длиною въ 10 или по крайней мѣрѣ въ 5 саж.—чарпъ, лахо—японскихъ ножней—ва, которыя чѣмъ старѣе, тѣмъ болѣе цѣнятся, такъ что цѣнность ихъ простирается до 200 руб., китайскаго шелковаго желтаго халата — хыргы и изъ собакъ и лодки. Бѣдный изъ этого калыма платитъ только что нибудъ и преимущественно болѣе употребительныя въ хозяйствѣ вещи, или старается купить себѣ невѣсту въ пеленкахъ, которая продается за безцѣнокъ, и потомъ воспитываетъ ее у себя въ юртѣ. Чтобы совсѣмъ не платить калыма, или когда женихъ не можетъ сойтись въ условіяхъ съ своимъ будущимъ тестемъ, нѣкоторые воруютъ себѣ невѣсту. Этотъ обычай особенно былъ распространенъ въ старину. Молодой гилякъ, которому пригласилась какая нибудъ дѣвушка въ чужой деревнѣ, обыкновенно подбираетъ себѣ артель удалцовъ и вмѣстѣ съ ними отправляется въ эту деревню и ждетъ случая. Вотъ случай представился — невѣста показывается гдѣ нибудъ одна—и компанія охотниковъ на невѣсту не дремлетъ: садятъ ее въ лодку или въ нарты, смотря по времени года, и увозятъ въ свою деревню. Проходятъ два-три мѣсяца и отецъ украденной невѣсты мирится съ своимъ зятемъ и получаетъ съ него калымъ, какой вздумаетъ дать послѣдній, а иногда дѣло улаживается и безъ калыма. Бываютъ случаи, что когда компанія возвращается съ триумфомъ, похитивши невѣсту, на нее нападаетъ другая, которая въ свою очередь имѣла виды на похищенную невѣсту, и отбиваетъ добычу. Даже и тогда, когдѣ молодые проживутъ два-три мѣсяца вмѣстѣ, ихъ разлучаютъ, или родители невѣсты, или другой какой нибудъ женихъ. Когда калымъ уплаченъ за невѣсту, она не можетъ отказаться отъ замужества, если бы даже не нравился ей женихъ: родители принуждаютъ ее къ этому силой. Женихъ, уплативши калымъ, беретъ невѣсту, какъ жену свою, и возвращается съ ея и своими родными въ свою юрту. Здѣсь, смотря по средствамъ жениха, устраивается угощеніе и попойка и приглашаются знакомые и сосѣди. Пьянство, разгулъ и пляска продолжаются иногда нѣсколько дней.

Сказавши о праздникахъ, перейдемъ теперь къ описанію обрядовъ и суевѣрныхъ обычаевъ, стоящихъ въ связи съ религиозными вѣрованіями.

У большей части народовъ всѣ важныя событія въ жизни отдѣльныхъ личностей сопровождаются религиозными обрядами, но у гиляковъ только однѣ похороны обставлены нѣкоторыми церемоніями. Когда кто нибудъ умираетъ въ деревнѣ, то одинъ изъ родственниковъ покойнаго ходитъ по деревнѣ и всѣмъ объявляетъ: „несчастіе

случилось“. Каждый гилякъ хорошо понимаетъ, что значить это „несчастіе случилось“ и боится сходить въ амбаръ за пищей до заката солнца, равно какъ и на слѣдующій день ходить до восхода. Кто не соблюдаетъ этого, того, по вѣрованію гиляковъ, постигаетъ какое либо несчастіе, или тотъ не будетъ имѣть удачи въ звѣриномъ промыслѣ. Умершаго тотчасъ одѣваютъ въ лучшую одежду и кладутъ на нары. Около него кладутъ доску, на которую во время обѣда и ужина выливаютъ ханшинъ, бросаютъ буду, юколу, ягоды и вообще все, что употребляютъ во время стола. Во все время, пока покойникъ остается въ юртѣ, собираются поплакать родные и знакомые, и юрта постоянно оглашается плачемъ. Точно также строго наблюдаютъ во все это время, чтобы постоянно поддерживался огонь: потушить его даже въ ночное время соронди манга—великій грѣхъ. По прошествіи двухъ ночей складываютъ на нарты все дорогое для покойника, а также кладутъ на нихъ и его самого и отправляются за деревню, къ тому мѣсту, гдѣ должно произойти сожженіе трупа. Здѣсь устраивается костеръ, причѣмъ клѣтка для мужчины складывается изъ трехъ полѣнъ, а для женщины изъ четырехъ. На этотъ костеръ складываютъ всѣ привезенныя вещи¹ и покойника и старшій въ семьѣ—отецъ или мать, поджигаютъ костеръ, который при этомъ обкладывается деревьями или бревнами со всѣхъ сторонъ, чтобы сильнѣе было горѣніе. Въ это время начинаютъ совершать поминки, которыя состоятъ въ томъ, что всѣ присутствующіе при сожженіи трупа ѣдятъ, пьютъ ханшинъ, плачутъ и вспоминаютъ о покойникѣ. Когда трупъ сгоритъ, на пепелищѣ устраивается памятникъ, состоящій изъ маленькой юрты, въ которую кладется истуканчикъ, изображающій фигуру человѣческую. Въ эту юрточку богатые въ теченіе 3-хъ лѣтъ приносятъ по временамъ все съѣдобное, а бѣдные по мѣрѣ возможности—въ этомъ состоятъ поминки умершаго. Собакъ, на которыхъ привозятъ трупъ для сожженія, убиваютъ, а нарты разламываютъ. Такъ большею частію совершаются похороны у гиляковъ. Но говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть обычай и хоронить покойниковъ въ землѣ, по указанію шамановъ. Послѣдніе, ссылаясь на божественное указаніе, приказываютъ хоронить покойниковъ, гдѣ имъ вздумается, напр. въ лѣсу, около дорогъ и т. п., и говорятъ при этомъ, что такъ Богъ велитъ. Гиляки слушаются ихъ и хоронятъ покойниковъ, гдѣ прикажутъ шаманы. Исключеніе составляютъ только младенцы, которые не въ состояніи еще ходить: ихъ не сожигаютъ и не хоронятъ въ землѣ. Обыкновенно ихъ кладутъ въ гробъ, выдолбленный изъ дерева въ видѣ корыта, закрываютъ сверху доской и потомъ гробъ этотъ подвѣшиваютъ къ деревьямъ въ лѣсу. Этотъ обычай, впрочемъ, теперь выходитъ изъ употребленія.

Что касается суевѣрныхъ обычаевъ гиляковъ, то намъ пришлось по-

¹ Оршь замѣняетъ деньги.

¹ Бѣдные большею частію увозятъ вещи домой.

знакомиться со слѣдующими: 1) не дозволяется ночью спать на нарахъ, обернувшись головой къ стѣнѣ. Днемъ каждый посѣтитель можетъ лежать и спать на нарахъ какъ ему угодно, но ночью непременно долженъ оборотиться и лечь головой къ срединѣ комнаты: спать оборотясь головой къ стѣнѣ, по мнѣнію гиляковъ, соронди манга—тяжкій грѣхъ. Даже если случайно какъ нибудь во снѣ оборотишься, то и это считается преступленіемъ. Нарушителя этого обычая хозяинъ обыкновенно выгоняетъ изъ юрты, и никто въ той деревнѣ не имѣетъ права принимать его и давать въ юртѣ мѣсто пріюта и ночлега. Оказавшій гостепріимство нарушителю самъ подвергается строгой отвѣтственности: въ былое время обиженный хозяинъ могъ ему мстить даже убійствомъ. Обычай этотъ не имѣетъ силы и значенія только тогда, когда въ деревнѣ есть мертвецъ непогребенный. Въ это время, пока не будетъ погребенъ мертвецъ, гиляки спятъ оборотясь головой къ стѣнѣ, и теперь спать съ головою обращенною на средину комнаты считается грѣхомъ. На чемъ основанъ подобный обычай и какія послѣдствія отъ нарушенія его, объ этомъ отъ гиляка не узнаешь ничего, и сомнительно, что онъ самъ знаетъ что нибудь объ этомъ. На разспросы и разговоры на эту тему онъ твердитъ только одно: такъ; это—соронди манга. 2) Ни подъ какимъ видомъ не дозволяется женщиѣ разрѣшиться отъ бремени въ юртѣ. Наступаетъ ли время родовъ среди суровой, холодной зимы, или жаркаго знойнаго лѣта, женщина въ это время непременно должна быть внѣ юрты. Обыкновенно устроивается шалашъ изъ циновокъ вблизи юрты, и здѣсь помѣщается женщина, пока не родитъ. Иногда приходится ей жить внѣ юрты, отдѣльно отъ членовъ семьи, нѣсколько дней, и во все время она остается одна: входитъ къ ней въ шалашъ и разговаривать съ нею никому не дозволяется. Даже и пища подается ей во все это время чрезъ оконцо, устроенное въ шалашѣ. Основаніемъ этого обычая служить убѣжденіе гиляковъ, что женщина, которая, по ихъ мнѣнію, считается нечистою во время родовъ, оскверняетъ все находящееся въ юртѣ, какъ то: сѣти, оружіе и пр., и вслѣдствіе этого бываетъ неудачнымъ промыселъ звѣрей и рыбы. Нарушители этого обычая, по приговору общества, обязаны искупать свое преступленіе принесеніемъ богатой жертвы, состоящей по преимуществу изъ китайской матеріи, которая кусками развѣшивается на деревьяхъ въ лѣсу. 3) Суевѣрное отношеніе къ кошкѣ и пѣтуху, доходящее до благоговѣнія предъ ними. Гиляки не только сами никогда не убиваютъ кошекъ, но и не могутъ смотрѣть, когда это дѣлаютъ другіе. Чтобы не оказаться виновными въ томъ случаѣ, если мясомъ ихъ полакомится собака, они обыкновенно держатъ ихъ привязанными на нарахъ. Это отчасти дѣлается и съ тою цѣлью, чтобы не допустить coitus ихъ между собою, что строго наблюдается по какой то причинѣ. Кажется, такое уваженіе къ кошкѣ гиляки заимствовали отъ сосѣдей — гольдовъ, которые, какъ намъ приходилось слышать, почитаютъ кошекъ потому, что онѣ по своей фигурѣ напоми-

наютъ тигровъ, считающихся у нихъ за священныхъ животныхъ. Что касается уваженія гиляковъ къ пѣтуху, то оно основывается на вѣрѣ въ чудодѣйственную силу его и, по всей вѣроятности, тоже заимствована отъ гольдовъ. Съ нимъ гиляки продѣлываютъ слѣдующую операцію: вѣшаютъ его за голову такъ, чтобы горло не было совсѣмъ стянато веревкой и онъ могъ дышать, и каждый участвующій при этомъ подбѣгаетъ и ударяетъ въ него ножомъ, нанося ему раны. Говорятъ, что тотъ, кто продѣлываетъ это, получаетъ исцѣленіе отъ разныхъ болѣзней и особенно отъ нарывовъ. Кромѣ этихъ трехъ суевѣрныхъ обычаевъ можно указать еще слѣдующія: не дозволяется брать огонь въ одной юртѣ и переносить въ другую, рыть землю, лить воду на огонь, когда въ юртѣ есть больной, — все это—соронди манга.

Въ заключеніе этого краткаго очерка бросимъ бѣглый взглядъ на прошедшую жизнь и на настоящее положеніе гиляковъ.

До заселенія Амура русскими гиляки жили родами и хотя вели осѣдлую жизнь, какъ теперь, но, вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ условий, часто мѣняли мѣсто жительства. Жизнь ихъ шла патріархально. Старшій въ родѣ былъ начальникомъ, судьей и распорядителемъ надъ всѣмъ родомъ. Вслѣдствіе этого на его обязанности лежала защита своего рода какъ отъ другихъ гиляцкихъ родовъ, такъ и отъ пришлыхъ враговъ, какими были особенно маньчжуры. При взаимной враждѣ родовъ кровавая месть, по которой родственникъ за смерть своего ближняго обязанъ былъ платить врагу своему тою же самою монетою,—приводила иногда къ уничтоженію цѣлыхъ родовъ. Съ пришлыми врагами, которыми, по былинамъ, являются главнымъ образомъ маньчжуры, нападавшіе разбойническими шайками врасплохъ, гиляки раздѣлывались оружіемъ, а иногда и убѣгали отъ нихъ, находя въ бѣгствѣ единственное средство къ спасенію.

Экономическое положеніе гиляковъ въ это время было еще болѣе неприглядное, чѣмъ теперь. Бѣдность была поразительная. Старики, вспоминая объ этомъ быломъ времени, съ грустію говорятъ: «худо, худо тогда гилякъ жилъ». И дѣйствительно, все, что тогда имѣлъ гилякъ—это была рыба, которая служила единственнымъ продуктомъ, поддерживавшимъ его существованіе. Звѣринный же промыселъ, который могъ давать средства къ удовлетворенію насущныхъ потребностей, находился въ условіяхъ далеко не благоприятныхъ для гиляковъ. Сбытъ пушнины тогда могъ быть только двойкій: или богатымъ гилякамъ, или маньчжурамъ и китайцамъ; но тотъ и другой былъ одинаково невыгоденъ для бѣдняковъ. Отдавая пушнину своему сородичу, гилякъ вынужденъ былъ отдавать ее за безцѣнокъ, потому что первый хорошо зналъ нужды послѣдняго и пользовался его положеніемъ. Притомъ богатые гиляки имѣли обыкновеніе впередъ задавать товаръ подъ пушнину, вслѣдствіе чего уже не стѣснялись потомъ назначать за нее цѣну, какую угодно, и эксплуатировали бѣдняковъ, выжимая изъ нихъ соки. Что же касается

до сбыта пушнины маньчжурамъ и китайцамъ, то онъ производился или на мѣстѣ, куда являлись торговцы въ лѣтнее время на лодкахъ и производили мѣну своего товара на мѣха, или сами гиляки вынуждены были отправляться въ китайскіе города. Въ первомъ случаѣ для гиляковъ была та невыгода, что приходилось ожидать, когда-то явятся ихъ покупатели, а второй способъ сбыта былъ возможенъ только для немногихъ и соединялся съ значительными расходами. Прибывшій въ китайскій городъ гилякъ долженъ былъ дарить всѣхъ властей лучшими соболями и только тогда получалъ позволеніе вести торговлю. Случалось и такъ, что городскія власти безъ согласія хозяина-гиляка отбирали лучшихъ соболей и брали ихъ себѣ, отдаривая за это только плохими рубашками. Кромѣ того, звѣриный промыселъ, какъ можно думать на основаніи разсказовъ гиляковъ, былъ невыгоденъ и потому, что въ это время преимущественно маньчжуры дѣлали нападенія на гиляцкія деревни и грабили ихъ. Во время звѣринаго промысла шайки разбойниковъ рыскали даже по лѣсамъ, разыскивая охотниковъ, и, нападая на слѣды ихъ, отбирали всю пушнину. По крайней мѣрѣ, гиляки-старики разсказываютъ объ этомъ своимъ дѣтямъ, и эти разсказы, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, живутъ въ устахъ гиляковъ. Такимъ образомъ, единственная отрасль промышленности — звѣриный промыселъ, который одинъ только и могъ давать гилякамъ средства къ удовлетворенію необходимыхъ потребностей, находился въ неблагопріятныхъ, условіяхъ и вслѣдствіе этого-то и была между ними страшная бѣдность.

Со времени колонизаціи Амура русскими, гиляки сдѣлались подданными Россіи. Жизнь ихъ теперь во многомъ измѣнилась, но все таки представляетъ картину далеко еще не отрадную. Прошло около 30 лѣтъ, какъ русскіе живутъ въ сосѣдствѣ съ гиляками, но не видно, чтобы историческій законъ, по которому слабый сильному подчиняется во всемъ, имѣлъ здѣсь полное приложеніе, — не видно, чтобы русскіе оказали на гиляковъ большое вліяніе. Если и сказалось вліяніе первыхъ на послѣднихъ, то вліяніе, къ сожалѣнію, такое, котораго лучше было бы и не желать. Много фактовъ, рисующихъ отношенія русскихъ къ гилякамъ, можетъ собрать тотъ, кто вздумалъ бы записывать ихъ со словъ самихъ гиляковъ, — но только фактовъ, вопіющихъ о ненормальномъ отношеніи къ нимъ колонизаторовъ. Мы здѣсь укажемъ только въ общихъ чертахъ на то, что сдѣлало и дѣлается русскими для гиляковъ.

Въ первое время гражданская власть относилась къ гилякамъ съ заботливостью и вниманіемъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ тотъ фактъ, что на первыхъ порахъ открыта была въ Большомъ Михайловскомъ селеніи школа спеціально для гиляковъ. Безспорно, что эта школа, судя по аналогіи съ другими инородческими школами, могла принести много пользы, способствуя обрусѣнію гиляковъ. Но, къ несчастію, попечителемъ ея избрана была такая личность, которая, говоря, имѣла болѣе попеченія о собственномъ карманѣ, чѣмъ о школѣ

и ученикахъ ея; и вслѣдствіе этого школа скоро окончила свое существованіе. Въ послѣдующее время вся дѣятельность гражданской власти въ отношеніи къ гилякамъ, кажется, ограничилась только тѣмъ, что она старалась, по возможности, уменьшить пьянство между гиляками, пріѣзжающими въ городъ Николаевскъ, и усердно забирала ихъ въ полицію¹. Кромѣ того еще можно сказать развѣ то, что въ лѣтнее время при развѣздахъ на гиляцкихъ лодкахъ земскіе чиновники отвлекаютъ гиляковъ отъ занятій, заставляя ихъ рисковать остаться безъ рыбы зимою. А остаться безъ рыбы гиляку на зиму — это тоже самое, что остаться русскому мужику безъ хлѣба. Что же касается выполненія служебныхъ обязанностей гражданской властію въ отношеніи гиляковъ, то она хорошо знаетъ, что гиляки никуда не обратятся на нее съ жалобой, и поэтому бездѣйствуетъ. Мы имѣемъ факты, но укажемъ здѣсь только одинъ возмутительный, совершившійся въ деревнѣ Мыххылъ, года полтора назадъ. Одинъ гилякъ укралъ себѣ жену у другого, по просьбѣ брата послѣдней, такъ какъ мужъ ея истязалъ ее и морилъ голодомъ. Чтобы удержать за собою чужую жену, онъ вмѣстѣ съ нею прибѣгли къ практикующейся у гиляковъ манерѣ — приняли христіанство и вступили въ бракъ по закону христіанскому. Но манера эта оказалась недѣйствительною на этотъ разъ. Прежній мужъ гилячки напалъ съ компаніей на юрту ея мужа, въ отсутствіе послѣдняго, и взялъ ее къ себѣ, хотя теперь она была уже христіанкой и состояла въ законномъ бракѣ. Кромѣ того, при розыскахъ онъ подвергнулъ пыткѣ и мученію мать ея мужа — старуху. Гилякъ обращался съ жалобами объ этомъ къ гражданскимъ властямъ, но жалобы эти не имѣли никакихъ послѣдствій для него и даже не обратили на себя вниманія тѣхъ, кому слѣдовало позаботиться объ этомъ. — Хорошо еще то, что не слышно о взяточничествѣ чиновниковъ, хотя это можетъ зависѣть и отъ того, что съ гиляка нечего взять, потому что соболей — его единственное богатство — стерегутъ черные вороны изъ торговаго люда, которые не любаютъ выпускать эту добычу изъ своихъ хищныхъ и острыхъ когтей.

Сосѣдніе съ гиляками крестьяне и торговый людъ, имѣющій близкое соприкосновеніе съ ними, также не оказали благотворнаго вліянія на гиляковъ. Все, что сдѣлали первые, это — приучили гиляковъ, склонныхъ къ пьянству, къ употребленію спиртныхъ напитковъ до той степени, которая характеризуется словами *do nec plus ultra*, сообщили правила надувательства и мошенничества, внесли долю разврата, который у гиляковъ преслѣдовался строго², и познакомили съ искусствомъ воровства. Вліяніе торгующаго люда было такого же деморализующаго характера, только въ большей степени. Что дѣлали и дѣлаютъ торгующіе съ гиляками, это отчасти характеризуется слѣдующимъ фактомъ, который намъ

¹ Намъ лично приходилось наблюдать это въ іюлѣ и августѣ 1879 года.

² Въ былое время за измѣну мужу измѣнница подвергалась смертной казни.

пришлось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ: одинъ изъ купцовъ, который теперь извѣстенъ подъ громкимъ титуломъ гиляцкаго князя и предъ грознымъ именемъ котораго дѣйствительно трепещутъ всѣ гиляки, разъ заручился отъ властей свидѣтельствомъ на право прививать ослу гилякамъ. Явившись къ послѣднимъ въ одну деревню, какъ лицо, уполномоченное и посланное начальствомъ, онъ объявилъ имъ цѣль своего визита и приступилъ къ операціи, которая на всѣхъ нагнала паническій страхъ. И дѣйствительно, было чего испугаться: благодѣтель несчастнаго человечества вмѣсто ланцета при операціи для пробы употребилъ ножъ мясника. Цѣль этого понятна и оказалась не только достижимою, но и вполне удачною: всѣ гиляки стали откупаться отъ опасной операціи и за выкупъ приносили по соболю. Фактъ этотъ можетъ показаться легендарнымъ, но только для тѣхъ, кто не знакомъ съ жизнью и существующими порядками на окраинахъ Сибири. Вотъ другой фактъ, рисующій отношенія торговаго люда къ гилякамъ: къ одному купцу, въ городѣ Николаевскѣ, явились гиляки для продажи соболей. Самъ былъ въ отсутствіи, но сама, замѣтивъ хорошихъ соболей у гиляковъ, постаралась напоить ихъ мертвецки пьяными и во время сна замѣнила хорошихъ соболей своими плохими. Отрезвившись, гиляки отправились въ магазинъ продавать соболей и тутъ только узнали, что соболей ихъ въ одну ночь потеряли цѣну: вмѣсто 8—9 р. за соболя имъ давали теперь только по 4—5 р. Началась ссора другъ съ другомъ, причемъ каждый обвинялъ другого въ мошенничествѣ, пока догадливая на этотъ разъ полиція, узнавши, что они почевали въ домѣ извѣстнаго купца, не раскрыла имъ секрета. Тогда они явились къ гостепріимной хозяйкѣ и, послѣ неприятныхъ объясненій, продали ей соболей по болѣе или менѣе выгодной для себя цѣнѣ. Такихъ фактовъ и еще можно было указать нѣсколько, но думаемъ, что и эти два въ достаточной степени характеризуютъ отношенія русскихъ купцовъ къ гилякамъ. Понятно, что при подобномъ отношеніи первыхъ къ послѣднимъ, торговля пушиной для гиляковъ не можетъ представлять особенно выгодной статьи. И дѣйствительно, если гиляки и живутъ теперь сравнительно лучше, чѣмъ прежде, то это зависитъ отъ того, что они стали сбывать рыбу въ достаточномъ количествѣ, на которую прежде не было спроса, продавать ягоды, грибы и пр. и дѣлать разныя услуги русскимъ за вознагражденіе, хотя и при этомъ господствуетъ та же система эксплуатаціи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Скажемъ, наконецъ, о дѣйствіяхъ миссіонеровъ въ отношеніи къ гилякамъ и о вліяніи первыхъ на послѣднихъ. Судя по официальнымъ даннымъ, которыя свидѣлствуютъ о ежегодно возрастающемъ числѣ христіанъ среди гиляковъ, можно подумать, что большинство изъ нихъ—христіане. Къ такому же предположенію можетъ вести какъ бѣдность религиозныхъ воззрѣній гиляковъ, такъ и отсутствіе всякаго противо-дѣйствія съ ихъ стороны распространенію христіанства вслѣдствіе того,

что представители ихъ религіи, шаманы, не пользуются между ними авторитетомъ и значеніемъ. Но такое предположеніе будетъ ошибочнымъ: въ дѣйствительности между ними нѣтъ христіанъ, а есть только язычники. Правда, вы встрѣтите между ними такихъ, которые говорятъ, что они крестились; но познакомьтесь съ ними, и вы узнаете, что это за христіане. Намъ приходилось встрѣчаться съ такими христіанами, и мы можемъ сказать, что они не только не знаютъ сущности христіанскаго ученія въ самомъ краткомъ видѣ, не знакомы ни съ одной «молитвой», но не знаютъ даже и имени Иисуса Христа, отъ котораго называются христіанами. Если они и имѣютъ понятіе о Богѣ, то это понятіе сохранилось у нихъ изъ прежней религіи, языческой, которая дѣйствительно сохраняетъ еще довольно чистое понятіе о Богѣ. Замѣчательно, что эти христіане не только не называютъ другъ друга христіанскими именами, но даже и не помнятъ и не знаютъ имени, даннаго имъ при крещеніи. Если вы спрашиваете такого христіанина объ имени его, то онъ вмѣсто того, чтобы отвѣчать вамъ на вопросъ, убагадетъ въ свою юрту, роется въ тряпкахъ и подаетъ вамъ узелокъ съ бумажкой, на которой записано его христіанское имя. Это дѣлается гиляками исключительно въ тѣхъ видахъ, чтобы по крайней мѣрѣ другіе могли узнать ихъ христіанское имя, когда это необходимо бываетъ въ разныхъ случаяхъ общественной жизни. Какъ знакомство съ религиознымъ міросозерцаніемъ христіанъ-гиляковъ приводитъ къ тому заключенію, что они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о христіанствѣ, такъ и самая жизнь ихъ подтверждаетъ это самымъ нагляднымъ образомъ. Христіанинъ-гилякъ живетъ такъ же, какъ и язычникъ: онъ не знаетъ никакихъ религиозныхъ и нравственныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него христіанствомъ. Молиться Богу въ назначенное для христіанина время и вообще когда-бы то ни было, онъ не молится, да и какъ онъ будетъ молиться, когда не наученъ молитвѣ? О соблюденіи какихъ нибудь обрядовъ нечего и говорить: они для него terra incognita. То же самое для него и нравственныя требованія, и дѣйствія съ точки зрѣнія христіанской морали, напримѣръ—дѣла христіанской любви и т. п. Вслѣдствіе этого онъ и руководится въ своихъ дѣйствіяхъ и жизни требованіями прежней своей языческой религіи. Вмѣстѣ съ язычниками онъ участвуетъ въ ихъ жертвоприношеніяхъ и на праздникахъ, имѣющихъ для нихъ религиозное значеніе, причемъ, вмѣсто христіанскихъ таинствъ, какъ святыню принимаетъ жертвенную часть или ѣсть идоложертвенное. Подобно язычникамъ, вѣрится въ чудодѣйственную силу злыхъ божествъ, населяющихъ рѣки и лѣса, боится ихъ и предпринимаетъ въ видахъ предосторожности противъ нихъ всѣ тѣ мѣры и средства, какія практикуются язычниками. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни и въ несчастіяхъ, какъ и язычники, онъ обращается за помощію къ шаманамъ, заставляя ихъ употреблять за-

клинанія и чародѣйственные обряды. Но что болѣе всего странно — это то, что христіанамъ-гилякамъ неизвѣстно, что христіанство въ брачной жизни допускаетъ только единоженство, и потому они, если есть средства, подобно язычникамъ, имѣютъ по двѣ, по три жены. Вообще, христіанство, принятое ими не вслѣдствіе сознанія превосходства его предъ прежней ихъ религіей, а изъ расчетовъ, и при томъ безъ всякой рѣшительно подготовки, не оказало никакого вліянія какъ на религіозныя вѣрованія и убѣжденія ихъ, такъ и на самую жизнь. Чѣмъ же объяснить подобное печальное явленіе? Кто виноватъ въ томъ, что духъ всесильнаго ученія Христова не оказалъ никакого дѣйствія на инородцевъ—гиляковъ? По нашему мнѣнію, основанному на наблюденіи, вина падаетъ болѣе всего на миссіонеровъ, и мы позволимъ себѣ въ немногихъ словахъ высказать о нихъ безпристрастное сужденіе.

Нисколько не погрѣшая противъ истины, можно сказать, что духовенство Камчатской епархіи, за небольшимъ исключеніемъ, представляетъ собою рѣдкое явленіе въ духовномъ мірѣ, и едва ли не исключительное¹. Трудно встрѣтить служителей религіи болѣе равнодушныхъ, но въ то же время съ наглостью постоянно трактующихъ о равнодушіи и холодности общества къ религіи и высказывающихъ объ этомъ фарисейское сокрушеніе. Это не служители религіи мира, привнесеннаго на землю ея основателемъ Иисусомъ Христомъ, но служители раздора и мамоны. Все ихъ вниманіе поглощено исключительно инстинктами къ наживѣ и сколачиваніемъ кругленькихъ капиталовъ. Чего только не придумываютъ они для удовлетворенія этихъ инстинктовъ? Одни, особенно въ административныхъ пунктахъ, стараются взять на себя исполненіе всевозможныхъ обязанностей и, конечно, ни одной не исполняютъ должнымъ образомъ, совѣмъ забывая о существованіи нравственнаго долга². Другіе чуть не еженедѣльно ведутъ ссоры и дразни

¹ Половину духовенства Камчатской епархіи составляютъ лица, не получившія семинарскаго образованія.

² Протоіерей Николаевской церкви Сизой, напримѣръ, несетъ слѣдующія обязанности: состоятъ законоучителемъ прогимназіи, членомъ духовной консисторіи, предсѣдателемъ въ попечительствѣ о бѣдныхъ духовнаго званія, членомъ комитета по устройству церквей въ Амурскомъ краѣ, членомъ Благовѣщенскаго ревизіоннаго комитета, членомъ комитета по устройству Николаевской церкви и благочиннымъ приходовъ, расположенныхъ по Амуру, отъ Кумары до Раде, на протяженіи 600 верстъ, и по Зеѣ и Томи, на разстояніи болѣе 150 верстъ. Въ какомъ вѣдомствѣ возможно подобное совмѣщеніе самыхъ разнообразныхъ должностей въ одномъ лицѣ, и возможно-ли оно безъ упушеній? Не знаемъ, какъ въ простые дни выполнять свою очередь этотъ протоіерей, но подъ воскресные и праздничные дни, до ноября мѣсяца настоящаго года, онъ имѣлъ обыкновеніе служить всюнощную большую частью очень рѣдко. Обыкновенно при этомъ онъ замѣнялся или младшимъ священникомъ, или проживающими въ городѣ сельскими священниками, которые рады угождать своему всеильному, чуть не всемогущему благочину. Точно также и какъ членъ ревизіоннаго комитета онъ слыхкомъ тяжель на подъемъ, и намъ извѣстно, что изъ за него откладывалась ревизія имущества комитета по устройству церквей лѣтомъ 1879 года и даже назначался временный членъ, какъ было при ревизіи семинарскаго имущества въ 1880 году.

изъ-за доходовъ и выдумываютъ другъ противъ друга всевозможныя сплетни и исторіи, въ родѣ исторіи «о пресловутой кукишѣ»¹. Третьи, наконецъ, въ этихъ интересахъ являются распространителями суевѣрій и заблужденій въ массѣ народа, вмѣсто того, чтобы искоренять и уничтожать ихъ². Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего этого является отсутствіе какого бы то ни было вліянія духовенства на своихъ пасомыхъ и полное неуваженіе и даже презрѣніе къ нему со стороны послѣднихъ. Не представляютъ исключенія въ этомъ отношеніи и миссіонеры (если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые). Миссіонеры наши, болѣею частью,—люди безъ всякаго образованія: это бывшіе приказчики и монастырскіе послушники, образованіе которыхъ ограничивается умѣньемъ читать по-славянски. Отъ людей такого рода, и при полномъ усердіи и добросовѣстномъ отношеніи ихъ къ своимъ обязанностямъ, конечно, нельзя ожидать особенной пользы въ такомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ миссіонерское служеніе. Но, къ сожалѣнію, у нихъ нѣтъ и особеннаго усердія къ своему дѣлу, и вслѣдствіе этого отъ нихъ пользы далеко меньше, чѣмъ вреда. Для жителей Амура не тайна, что главное дѣло миссіонеровъ—не проповѣдь евангелія между инородцами-язычниками, а эксплуатація ихъ путемъ торговли, главный предметъ которой составляютъ буда и ханшинъ. Проповѣдь евангелія—это—только предлогъ для посѣщенія инородцевъ, а священническая ряса—одежда, посредствомъ которой они укрываются отъ законныхъ преслѣдованій со стороны гражданской власти. Поставляя главную цѣль въ торговлѣ, миссіонеры являются къ инородцамъ только на короткое время и, исполнивши свою главную миссію, перебираются на другое мѣсто для той же самой цѣли. Близкое знакомство съ инородцами, изученіе ихъ быта и религіозныхъ вѣрованій и наблюденіе надъ нравственнымъ ихъ состояніемъ, безъ чего немислимъ и успѣхъ проповѣди, они не считаютъ и своей обязанностію. Въ журналахъ, представляемыхъ начальству, не встрѣтишь ни одной дѣльной замѣтки: въ нихъ, по принятому шаблону, пишется всегда одно и то же: сего числа совершалъ литургію тамъ-то, столько-то человекъ присутствовало при богослуженіи, и больше ничего. И въ разговорѣ съ ними не узнаешь ничего этого. На мои разспросы о суевѣріяхъ инородцевъ одинъ миссіонеръ отвѣчалъ наивно: «я и не думалъ, что ктонибудь будетъ спрашивать меня объ этомъ; и на что это вамъ»? Ровно ничего не дѣлалъ для христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, нѣкоторые изъ миссіонеровъ, поми-

¹ Подъ такимъ дѣломъ я разумѣю дѣло, возникавшее въ Камчатской консисторіи лѣтомъ 1880 года, по доносу діакона каѳедральнаго собора Типцова, который жаловался на своего сотоварища діакона Гусельникова, будто послѣдній во время службы церковной показалъ ему кукишъ.

² Въ селеніи Ивановкѣ, по Зеѣ, священникъ Преловскій, во время развитія сибирской язвы, истреблявшей домашній скотъ, отчитывалъ зачумленныхъ животныхъ какими-то заклинаніями, по всей вѣроятности, только ему одному извѣстными.

мо эксплуатации, и своими действиями, и жизнью вредят имъ. Что продѣлывалъ, на примѣръ, гиляцкій миссіонеръ, живущій на Тырѣ, объ этомъ достаточно свидѣтельствуеетъ сложенная про него пѣсня: «На Тырскихъ горахъ спасался А..... монахъ, калина!» которая распространена не только въ средѣ русскаго населенія въ низовьяхъ Амура, но известна и гилякамъ. Даже въ то время, когда епархіальное начальство нашло нужнымъ убрать его съ Тыра, онъ еще нѣсколько времени жилъ и блажилъ среди гиляковъ, пьянствовалъ вмѣстѣ съ послѣдними и подкупалъ деньгами, выпрашивая у нихъ рекомендательныя подписки въ такомъ духѣ, что «онъ прекрасный миссіонеръ и лучшаго гиляки не желаютъ». Другой миссіонеръ своими поборами и притѣсненіями довелъ кроткихъ и смирныхъ гольдовъ до того, что вынужденъ былъ просить свое начальство о дозволеніи жить въ русской деревнѣ, а не въ гольдской, гдѣ онъ имѣлъ мѣстопробываніе, и, какъ слышно, теперь боится показаться своимъ пасомымъ. Какой авторитетъ могутъ имѣть у инородцевъ подобные миссіонеры и какое вліяніе они могутъ оказывать на первыхъ, мы уже видѣли и распространяться объ этомъ не стоитъ. Скажемъ здѣсь одно, что о такихъ миссіонерахъ и инородцы не говорятъ безъ презрѣнія, называя ихъ русскими шаманами. Такимъ образомъ, вся заслуга миссіонеровъ состоитъ только въ томъ, что они изъ язычниковъ-инородцевъ дѣлаютъ христіанъ по имени, а вредъ, приносимый ими, распространяется и на экономическое, и нравственное состояніе инородцевъ. Если въ такомъ состояніи находится миссія на далекой окраинѣ Россіи, то могутъ спросить: почему же епархіальная власть не предпринимаетъ никакихъ мѣръ къ ея улучшенію? Епархіальная власть за дальностью разстоянія миссіонерскихъ становъ отъ центра управленія и по причинѣ трудности путей сообщенія не имѣетъ никакой возможности контролировать дѣйствія миссіонеровъ и по необходимости должна вѣрить отчетамъ послѣднихъ, въ которыхъ всегда и все представляется въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Впрочемъ, настоящимъ Камчатскимъ преосвященнымъ обращено особенное вниманіе на положеніе миссіи и для контроля дѣйствій миссіонеровъ, а равно и образа жизни новокрещенныхъ, избрана особая личность съ званіемъ настоятеля миссій въ Амурскомъ краѣ.

Можно надѣяться, что утвержденіе этой новой должности принесетъ свою пользу, но нельзя не пожалѣть, что, за недостаткомъ способныхъ людей въ епархіи, высокое званіе настоятеля миссіи и руководителя въ великомъ дѣлѣ благовѣствованія Христова выпало на долю такой личности, которая никогда не справится съ своей высокой задачей и кроме вреда, кажется, ничего не принесетъ миссіи. Говоря это, мы укажемъ на факты изъ непродолжительной практики этой личности, которые вполне свидѣлствуютъ о непониманіи ею задачи миссіонерскаго служенія, о безтактности и неумѣньи взяться за дѣло и о незнаніи малѣйшихъ приличій, и о грубости. Явившись въ Посеть, гдѣ существуетъ

миссія для корейцевъ, новый настоятель сталъ требовать отъ миссіонера, чтобы онъ крестилъ всѣхъ инородцевъ, изъявившихъ желаніе, хотя бы они и нисколько не были подготовлены къ принятію христіанства. Миссіонеръ, сознавая вредъ отъ подобнаго обращенія къ христіанству инородцевъ, отказался исполнять это незаконное требованіе своего настоятеля. Тогда послѣдній самъ началъ крестить безъ всякаго разбора, а миссіонера позволилъ себѣ оскорбить за это законное неповиновеніе слѣдующимъ образомъ: во время совершенія литургіи миссіонеромъ онъ, читая мораль мальчику, сопровождавшему его, между прочимъ сказалъ: «ты не будь упрямъ, какъ этотъ негодный хохоль,»,—причемъ указалъ на священника, стоящаго около престола. Вотъ другой фактъ. Отецъ настоятель рассказываетъ по корейской школѣ въ селѣ Благословенномъ. Является учитель изъ казаковъ и, видя духовную персону, вѣжливо отвѣшиваетъ чуть не земной поклонъ посетителю школы. Но послѣднему этого показалось мало и онъ раздраженно закричалъ: «Ты кто? казакъ? какъ ты смѣешь не подходить подъ благословеніе къ игумену? я прикажу выгнать тебя изъ школы». Учитель, вслѣдствіе такой неожиданной выходки со стороны духовной персоны, долженъ былъ удалиться изъ школы. Факты эти, кажется, краснорѣчиво говорятъ за то, въ доказательство чего они приведены, и не требуютъ дальнѣйшихъ комментариевъ.

Александръ Кирилловъ.